

*Я твердо все решил: быть до конца
в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду.
И если станет нестерпимо тяжело,
То и тогда с дороги не сойду.*

Евгений Примаков

Отмечали 80-летие Евгения Максимовича Примакова. Я был приглашён на его юбилей в составе “узкого круга” человек этак в двести-двести пятьдесят. Был В. В. Путин, который назвал его “великим гражданином” и сказал примерно следующее: “В годы, когда Россия находилась на грани пропасти, появлялись такие Примаковы, чтобы отвести её от края”. Потом вместе с юбиляром они исполнили песню о Ленинграде “Город над вольной Невой”.

В недавно вышедшей книге воспоминаний “Неизвестный Примаков” Путин пишет: “Безусловно, это был великий гражданин нашей страны... Евгений Максимович всегда думал о судьбе России, работал и жил ради её развития, ради её процветания”.

Когда оставляешь воспоминания о ком-то, невольно пишешь и о самом себе. О наших отношениях как двух специалистов по Ближнему Востоку немало позднее. А во время того памятного юбилея я думал: “Какой же я дурак, что не был к Примакову поближе”. Ведь он всегда оказывал мне тёплое внимание. Не раз, когда ещё была жива его первая жена Лаура, он приглашал к себе домой. Со сколькими яркими, выдающимися личностями науки, искусства, политики я мог бы познакомиться! Но мешал мой характер, мои комплексы. Я не хотел быть “при дворе” Примакова, хотя он никогда и ни в какой форме не демонстрировал свое “величие”, а, наоборот, проявлял дружеское расположение и уважение. У нас почти полвека знакомства и добрых отношений. В 1962 году я, начинающий референт в газете “Правда”, опубликовал первую в жизни статью, она посвящалась йеменской революции, а он как раз пришёл в газету уже сложившимся журналистом-международником и кое-что отредактировал. Один на один мы были на “ты”, но публично — на “вы”. Оценивая события в Азии и Африке, мы с ним больше соглашались, хотя иногда спорили, и он порой принимал мои аргументы. Примаков был моим предшественником — собкором “Правды” в Каире, ну, а затем доктором наук, директором Института востоковедения, директором Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), академиком, далее — взлёт политической карьеры: Верховный Совет, Служба внешней разведки, МИД, глава правительства, отставка, несколько лет он был председателем

Торгово-промышленной палаты, что в последние годы позволяло нам встречаться чаще и больше беседовать.

Есть о чём рассказать. Но начну не с деталей жизни Примакова, а с его звёздного часа, с его деятельности в качестве министра иностранных дел России, а затем – главы правительства Российской Федерации.

Примаков очень ценил пост министра иностранных дел, на который был назначен в январе 1996 года вместо бесцветного и сервильного А. В. Козырева. У него были данные для того, чтобы руководить этим ведомством, возродить роль российской дипломатии в условиях резкого ослабления России, вернуть чувство долга и цели дипломатам и защищать интересы России. Понимание реалий, умение найти компромиссы, его такт, понимание позиций и чувств своих собеседников и противников позволяли добиваться немалого и создавать задел для будущего.

В области международных отношений он был сторонником многовекторной политики для России с учётом тысячелетнего опыта российской государственности. В одном из последних интервью, которое он давал для моей новой книги, Евгений Максимович сказал: “Одним из основных направлений российской внешней политики должно быть не заключать союза с Китаем против США и не заключать союза с США против Китая, а строить отношения с двумя сверхдержавами на базе взаимовыгодного сотрудничества”.

В мае 1997 года был подписан основополагающий акт между Россией и НАТО. Создавались какие-то правовые рамки для диалога и спора с НАТО, который решительно продвигался к границам с Россией, не считаясь с интересами её национальной безопасности. На несколько лет инициативы Примакова оттянули намечавшееся вторжение США в Ирак. Была изложена идея трёхстороннего сотрудничества Россия–Китай–Индия, ставшая основой будущего объединения БРИКС. Защита национальных интересов России в условиях полицентристского мира стала на годы концепцией внешней политики страны.

При Примакове “вдруг” вспомнили о Ближнем Востоке и значении этого региона для интересов России. Свою роль сыграли и знание региона, и личные связи, и воспоминания молодости.

В кресле министра на Смоленской площади он чувствовал себя комфортно, зная, что ему поручено очень важное дело, хотя понимал, что дипломатия – это искусство возможного. О его роли во главе российского дипломатического ведомства подробнее можно прочитать в воспоминаниях В. И. Матвиенко, С. В. Лаврова, И. С. Иванова.

Но судьба готовила для него новые задачи. Ельцин предложил ему пост главы правительства. Он сначала отказался. Примаков знал, что собой представляет президент и его окружение, знал, что экономика разрушена, финансы развалены, денег нет. Не получали зарплату, стучали касками по асфальту шахтёры. Из армии уходили в “охранники” офицеры. Улицы заполняли проститутки и уголовники. По телевизору передавали рекламу американских прокладок, эротические фильмы на грани порнографии, показывали драки в парламенте. Страна была доведена до дефолта.

Примаков принял на себя этот груз. Дума, которая дважды отклоняла кандидатуру В. С. Черномырдина, абсолютным большинством проголосовала за Примакова. Он собрал правительство профессионалов. Его первым замом стал блестящий экономист-управленец Ю. Д. Маслюков (от партии КПРФ, Ельцин и его окружение проглотили это назначение), главой Центрального банка – В. В. Геращенко, социального блока – В. В. Матвиенко.

Вот как сама Матвиенко описывает ситуацию: “Я помню, Евгений Максимович пригласил меня и сказал, что с первого декабря мы должны начинать регулярно платить пенсии, которые не платились уже полгода, и вернуть задолженность нашим уважаемым пенсионерам. А долги были немалые, сравнимые с львиной долей бюджета. Я до сих пор помню эти цифры: 32 миллиарда (это тех денег) долгов пенсионерам, 34 миллиарда – задолженность бюджетникам, почти 30 миллиардов – задолженность военнослужащим. Но казна, как вы знаете, была пустая, даже ежемесячные выплаты пенсионерам составляли львиную долю очень маленького тогда бюджета.

Мы искали и находили решения, иногда нетривиальные, что называется, на грани фола. Задача была поставлена, но выполнить её было невозможно, потому что надо было 15 миллиардов, а Пенсионный фонд в то время собирал

лишь 11 миллиардов, и нужно было найти почти четыре миллиарда дополнительно. И мы нашли вариант — на три месяца отложить перечисление денег “Газпрома” трём регионам, то есть одолжить их на три месяца, чтобы справиться с ситуацией. После непростых раздумий, возражений он всё-таки согласился, но сказал: “При условии, что ты будешь носить, если потребуется, мне сухари, потому что это решение не совсем законное”. Проблема была решена. Чувство юмора у него всегда было отменным. Правда, я до сих пор не знаю, всегда ли это был юмор”.

Уже в начале 1989 года была остановлена свержинфляция, начался рост экономики, вырос экспорт, пополнились доходы бюджета, стабилизировалась финансовая система. Не буду писать подробнее. Эти абзацы заслуживают отдельной книги и другого автора.

Правительство выступило за развитие рыночных отношений, но было абсолютно необходимо учитывать роль государства. Вспоминаю, как, придя в газету “Правда” на должность заведующего экономическим отделом, Е. Т. Гайдар официально озвучил свою позицию: “Надо закрыть глаза и броситься в рынок”. Что ж, “реформаторы” закрыли глаза и бросились. Страна захлёбывалась, пытаясь всплыть. В правительстве Е. М. Примакова понимали, что необходимо усилить государственное урегулирование, не занимаясь переделом собственности, бороться с экономическими преступлениями и коррупцией.

Во внешней политике Примаков продолжал курс, который выработал в МИДе. Сейчас многие, может быть, забыли про примаковский “разворот над Атлантикой”. Он летел в Вашингтон для встречи с вице-президентом США Эл Гором, в частности для обсуждения обстановки в Сербии, и, получив сообщение, что США начали бомбить Сербию, приказал развернуть самолёт и возвращаться в Москву. Почему? Напомню обстановку: западные политики и СМИ, уже развалив Югославию, развели истерию вокруг Косово: мол, сербы уничтожают албанцев, что привело к гибели почти 100 тысяч человек, создают массовые захоронения, идёт этническая чистка албанцев. Факты говорили о другом: в Косово — историческом сердце Сербии — этнические албанские иммигранты составили большинство, а националистическая банда, претендующая говорить от их имени, начала войну против государства. На подавление бандитов были направлены сербские войска. После месячных бомбёжек войска НАТО оккупировали Косово. Сколько “массовых захоронений” они нашли? Ноль. Вся пропагандистская артподготовка агрессии была ложью. Начать в тот же день переговоры с агрессором означало бы принять его логику и оправдать его действия. Примаков отказался от встречи. Это было знаком того, что Россия возвращает своё достоинство на международной арене. Много сделать не удалось — ещё слишком слаба была страна. Но свою “петлю над Атлантикой” глава правительства сделал сам. Предполагаю, даже не спросив мнения президента.

Матвиенко пишет: “...как это нередко бывает в политике, успешная работа вызывает не только одобрение, но и недоброжелательство, опасения, элементарную зависть. Мне нравится одна поговорка. Говорят, сострадание можно получить даром, а вот зависть надо заслужить. И он её заслужил. Я не исключаю, что в том числе и это явилось немаловажным субъективным фактором, побудившим президента Ельцина отправить правительство Примакова в отставку...”

Примаков ушёл спокойно, с достоинством, не хлопая дверью председателю кабинета”.

В одной из бесед я спросил его: “Ты считаешь себя оптимистом или пессимистом?” “Я — реалист. Я воспринимаю ситуации такими, какие они есть, и действую в соответствии с конкретными обстоятельствами, но на основе своих принципов”. Всё так. То, что он делал, занимая высокие посты, подтверждают эти слова.

Главная черта его характера — глубокая человеческая порядочность и чувство чести, которые были выше личных политических амбиций и, если хотите, “мешали” ему как политику. Став главой правительства, которое смогло отвести общество от края пропасти, он, конечно, столкнулся с сопротивлением. Б. Н. Ельцин, его “семья” и ближайшее окружение относились к нему недоброжелательно: чем успешнее действовало правительство, тем больше ревновал его и больше опасался сам президент. Если для “семьи” бабло было

религий, идеологии, национальной идеей, моралью, то для Ельцина власть была “всем”. “Царь я или не царь?” — в шутку, а на самом деле всерьёз часто спрашивал он своих окружающих. А они шептали ему: “У Примакова президентские амбиции, он метит на твоё место, его популярность растёт, а твоя падает”. Копилась злоба.

Помимо эмоций президента и его окружения, были и другие реалии: чем больше правительство наводило порядок, тем больше теряли те, кто в мутной воде делали многомиллиардные состояния. Простой пример: за месяцы существования примаковского правительства в 8 раз выросли доходы государства от акцизов, а значит, на столько же полегчали кошельки водочных королей. На одном из совещаний Примаков сказал, что место коррупционеров — в “Матросской тишине”. Глава правительства посмел мыслить и действовать во имя интересов народа, государства, России. Сколько олигархов подумали, что речь идёт как раз о них? Ату его! Проплаченные СМИ стали лить на него и правительство всё больше лжи и грязи. Он читал всё это, переживал, оскорблялся. Да разве можно так лгать? Можно было. И для тех, кто проплачивал и писал, понятие чести и порядочности, морали просто не существовало. Был культ бабла.

Результат не заставил себя ждать. Ельцин уволил Примакова в отставку и на прощание даже обнял и поцеловал его.

Я спросил его: “Евгений Максимович, ну почему ты, готовясь к такому исходу, имея поддержку парламента, армии, да и части спецслужб, не воспользовался очередной “отключкой” Ельцина, чтобы тем или иным способом скинуть его? Ты же сам писал, что тебе бы ещё год, и страна встала бы на путь быстрого возрождения”. Он в ответ промолчал. Только ли порядочность останавливала его? Да нет. Таковы были черты его характера. Устраивать заговоры было противно его убеждениям. Всю свою жизнь он был, так сказать, человеком системы, не революционером, а тем более не заговорщиком. Находясь внутри системы, он всё делал для её совершенствования, её лучшего функционирования в интересах страны и народа. Он потом всё-таки сказал мне, что принял на себя “расстрельную” должность главы правительства, чтобы избежать гражданской войны в условиях растущего и всё разрушающего кризиса. Примерно то же самое он говорил академику А. А. Дынkinу: “Да, Саша. Но это политика. Главное — мне удалось отвести угрозу гражданской войны, которую полагал реальной осенью 1998-го. А Россия не выдержала бы ещё одной “гражданки”, революции или переворота”. Может быть, опасения новой гражданской войны были преувеличением. Ну, не стали бы армия и милиция стрелять в народ. Хотя... Нашлись же продажные офицеры — помянем недобрым словом тех, кто из танков стрелял по Белому дому. Были и настоящие наёмные банды. Был раскол общества в условиях экономического коллапса, что означало дальнейший распад страны с непредсказуемыми последствиями и какой-то специфической гражданской войной. А когда уже началась стабилизация, идти на риск “заговора”? Нет. Он попытался идти другим путём. Но понятия чести и национальных интересов у него и у тогдашнего президента страны были разные.

После отставки созданный им блок “Отечество — вся Россия” (ОВР) как раз предназначался для продолжения реалистического курса его правительства. Это было центристское объединение, направленное не на слом сложившихся в России политической системы, но на её реальное усовершенствование. Победа блока означала бы крушение безраздельной единоличной власти олигархии. Тогда в борьбу напрямую вмешались “семья” и администрация президента.

Сошлюсь на слова Примакова, оценивающего сложившуюся ситуацию: “Не буду описывать всю беспрецедентную — можно сравнить только с геббельсовской пропагандой — клевету, обрушенную на нас с Лужковым теми же лицами, с которыми жизнь развела по разные стороны баррикад, когда я находился в правительстве. Администрация президента дирижировала этой кампанией, считая нас главными противниками.

Бесстыдству не было предела. Апогеем стал показ на телевидении фильма об операции в одной из московских клиник, аналогичной той, которую мне ещё предстояло сделать. Экран телевизора заливало море крови, это сопровождалось вкрадчивым баритоном на всё способного ведущего Доренко, который, уставившись в текст “суфлёра”, взхлёб “импровизировал” на тему

о том, что я стремлюсь в президенты, так как мне это поможет непрерывно лечиться”.

Искали хоть какие-нибудь факты, которые могли бы замарать Примакова. Но обливая его грязью, никто и никогда не мог поставить под вопрос его высокую личную порядочность, даже намёка на такие факты не было. Естественно, что бывший премьер-министр, министр иностранных дел, директор Службы внешней разведки, руководитель Торгово-промышленной палаты, академик РАН обеспечил себе и своим близким достойную жизнь. Но даже в период ожесточённых политических баталий никто не смел упрекнуть и не упрекал Примакова в том, что он “нажил палаты каменные” за счёт своего служебного положения. Никакая грязь коррупции, столь распространённая, к сожалению, на всех уровнях нашего политического истеблишмента, Примакова не замарала.

Блок ОВР был оттеснён на третье место и фактически сошёл на нет. Примаков возглавил Торгово-промышленную палату и отошёл от активной политики, оставаясь для нового руководства страны гуру, мудрецом. К нему обращался за советами и давал особые задания В. В. Путин. Вспомним хотя бы его миссии в Ирак с целью предотвратить вторжение США в 2003 году.

Не стоит забывать о роли Евгения Максимовича во главе внешней разведки. Начало 1990-х годов. Только что В. В. Бакатин, тогдашний руководитель КГБ, в “знак доброй воли”, якобы рассчитывая на ответный жест, передал американцам всю систему прослушки в жилом комплексе США в Москве, созданную выдающимися инженерами и физиками. Какой был ответ США на этот “знак доброй воли”, а фактически акт предательства? Никакой. Так и повелось в начале “окаянных девяностых”, что мы отступали, получая в обмен в лучшем случае похлопывание по плечу и какие-то слова одобрения. Подразумевалось: отступайте и дальше.

Тогда у нас по коридорам власти носились или идиоты, или агенты спецслужб Запада, которые всерьёз требовали рассекретить все архивы КГБ, включая разведку. К слову сказать, позднее лично познакомился с “рассекреченными” архивами ЦРУ в Вашингтоне и увидел там никому не нужные бумаги и вырезки из газет. Не надо доказывать, что познакомить спецслужбы Запада с подлинными документами означало бы полностью разрушить разведку и поставить под удар безопасность страны и жизни сотен агентов России. Не удалось, в частности потому, что во главе ведомства оказался Е. М. Примаков, и было это ещё в период правления Горбачёва.

Тогда Примаков возглавил нашу разведку, которую постепенно превратил в Службу внешней разведки России.

Примаков не служил по ведомству КГБ. Мы в “Правде” знали, кто есть кто из наших корреспондентов. Примакова среди работников КГБ не было. Но если ты корреспондент, и не просто передаёшь информацию в газету, а думаешь и анализируешь, то, конечно, твоё общение с представителями наших спецслужб или с послом может быть полезно и для тебя, и для них. В нашей разведке уже тогда знали и ценили аналитический ум тогдашнего журналиста.

В разведке он опирался на профессионалов. Все, кто с ним работал, отмечали готовность выслушивать их мнения и, если аргументы были убедительными, менять своё мнение. Нужно было беречь кадры, обеспечивать им нормальные социальные условия, нормальные зарплаты, квартиры, пенсии, устройство на работу, дома отдыха. Всем этим занимался лично Примаков.

Я мало знаю о специфике его работы во главе разведки. Поэтому сошлюсь на Героя России, генерала армии В. И. Трубинкова, сменившего Примакова на посту главы разведслужбы. Он цитировал выступление Е. М. Примакова по внутреннему радиоканалу ведомства: “Мы живём и трудимся в сложное время, когда многое из того, что было в прошлом, подвергается переосмыслению, критической переоценке. Но есть вещи, ценность которых неизменна. Среди них честь и достоинство, верность долгу, служение Отечеству, патриотизм и приверженность демократическим идеалам”.

Бывший заместитель директора СВР Г. А. Рапота вспоминает, что первоначально Е. М. Примаков как непрофессионал был воспринят своими сотрудниками с настороженностью, но сумел очень быстро завоевать их доверие. Впоследствии стало понятно, почему это произошло: “Он был государственным в полном смысле этого слова и мыслил более широко: что есть новое государство? Что есть его национальные интересы и что есть его националь-

ные институты? Один из таких институтов — это разведывательная служба. Она должна быть сохранена, потому что ни одно государство в мире, особенно крупное, в нынешних реалиях без такой службы существовать не может”.

В разведке его сначала называли Академиком с полуиронией, но очень быстро Академик стало в высшей степени уважительным “прозвищем”. Ещё одним прозвищем Примакова и в разведке, и вне её было “Примус”. Казалось бы, по первому слогу фамилии, но на деле “примус” по-латыни значит “первый”. А у нас эффективная газовая горелка на бензине — примус — известна старшему поколению, да и сейчас геологам, альпинистам, туристам. Деятельность Примакова ассоциировалась с горячим пламенем примуса. В. В. Путин именно подлинный примус 1980-х годов подарил юбиляру на его последний день рождения в 2014 году.

Будучи крупным учёным и опытным администратором, Е. М. Примаков продемонстрировал системный подход к управлению доставшимся ему сложным хозяйством. Характеризуя в ретроспективе начало своей работы в новой должности, он отмечал: “Нам нужно было удержать в службе основной состав и сделать разведку боееспособной, причём нужно было решить три задачи: сориентировать разведку на работу в новых условиях, укрепить социально-экономическое положение разведчиков и создать необходимую законодательную базу”.

Нередко человек, много сделавший за свою жизнь и поднявшийся до больших высот, к пожилому возрасту становится памятником самому себе. Он уже не говорит, а изрекает, не ходит, а носит самого себя, не приходит куда-нибудь, а является, чужое мнение или чужую логику воспринимает с усмешкой, а чаще просто отмечает.

Не таков был академик Евгений Максимович Примаков.

Остановлюсь на его месте в нашем цехе — востоковедов-ближневосточников. Его перу принадлежат два десятка книг, не говоря уже о бесчисленных статьях. Но из всех я бы выделил уникальную “Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами”. Она выдержала два издания и переведена на десяток языков. В рецензии на неё я писал: “Такой книги не было, нет и не будет, потому что автор был участником главных политических событий региона в течение нескольких десятков лет. Эта оценка — не панегирик. Он лично знал самых крупных арабских и израильских лидеров эпохи. Он соединил в книге научные знания с пониманием человеческой психологии, арабского и израильского менталитета, с учётом многовариантности развития событий. Он дал реалистические и в то же время яркие литературные портреты таких лидеров, как Саддам Хусейн, Ясир Арафат, Хафиз Асад, Менахем Бегин, Гамаль Абдель Насер, Анвар Садат и многих других”.

Чтобы написать такую книгу, надо было не только несколько десятилетий заниматься проблемами региона, российско-арабскими и российско-израильскими отношениями, но одновременно обладать силой научного анализа и литературным талантом. Любая глава этой книги равноценна увесистой монографии.

Эти слова отнюдь не означают, что автор во всём и всегда был согласен с оценками и определениями Примакова. Но калибр его таланта и его личности заключался и в том, что он мог выслушивать чужое мнение, даже противоположное своему собственному, чужие аргументы и иногда соглашаться с ними и менять свою точку зрения, если аргументы были для него убедительными. Во втором издании той книги он кое-что изменил в своей концепции, что было честью для автора этих строк. Евгений Максимович присылал мне свои новые книги с просьбой сделать замечания, если они есть.

Особенность его трудов состояла и в том, что, помимо общего исторического и политологического анализа с учётом творческого марксистского подхода, он уделял огромное внимание роли личности в политике и в историческом процессе. И во всем мире отдельные личности могут ломать сложившиеся представления и схемы, но для Ближнего Востока роль личности просто нельзя преувеличить. Лидеры могли играть и созидательную, и разрушительную роль.

В феврале 2003 года Совет безопасности ООН голосами трёх своих членов отказался принять резолюцию, открывающую путь для военного вторжения в Ирак. Но США и Великобритания открыто готовились к войне, выбирая нужное время. В качестве последней попытки не допустить войны президент

России В. В. Путин направил Примакова для личной встречи с Саддамом Хусейном. “За три недели до начала американской операции против Ирака в 2003 году... я вылетел в Багдад после ночного разговора с президентом В. В. Путиным, который поручил мне незамедлительно и лично передать его личное послание С. Хусейну”, – писал Е. Примаков. Иракский диктатор оказался невменяемым. Началось вторжение. Ирак был разрушен и оккупирован.

Полная потеря Саддамом Хусейном чувства реальности была очевидна. Оценивая судьбу и гибель диктатора, Примаков писал: “Ещё одной чертой характера Саддама было то, что он не стремился к получению объективной информации... Страшась возможной опалы, окружение информировало его преимущественно о тех событиях, процессах, тенденциях, которые подчёркивали “прозорливость, дальновидность, гениальность вождя”, и явно избегало давать негативную информацию”. Его судьба была предрешена. После американского вторжения в Ирак его поймали, поспешно (чтобы он не разболтал лишнего о своих прежних связях с США) судили и повесили.

Е. М. Примаков был убеждённым сторонником сотрудничества России с арабскими странами, считая, что оно отвечает национальным интересам как той, так и другой стороны. Одновременно он лично участвовал в восстановлении дипломатических отношений с Израилем. Он переживал уход России с Ближнего Востока в начале “окаанных” 1990-х годов и по мере сил на всех постах – директора Службы внешней разведки, министра иностранных дел и председателя Совета министров, а затем президента Торгово-промышленной палаты – стремился возродить российско-арабское сотрудничество, найти понимание с Израилем по формуле “мир в обмен на землю” (то есть обеспечить безопасность Израиля в обмен на освобождение оккупированных территорий) и укрепить роль России в регионе. Иногда это была просто личная инициатива, но, учитывая его вес и влияние, она становилась курсом государства и приводила к определённым положительным результатам, которые сказались спустя много лет и сказываются вплоть до настоящего времени.

Он понимал хитросплетения политики на Ближнем и Среднем Востоке и всегда отдавал предпочтение мирным решениям, неоднократно подчёркивал, что силовые методы создают только новые проблемы. По своим убеждениям он был и государственным, и демократом, но считал, что каждая страна, каждая цивилизация выбирает свой путь, свои государственные структуры, свои способы развития общества. Поэтому Е. М. Примаков категорически называл “контрпродуктивными” силовые методы навязывания американской демократии в чуждую ей цивилизационную среду.

Не забудем, какую роль сыграл Примаков, отстаивая сохранение Российской академии наук. Пользуясь и своими связями, и политическим и научным весом, он смог доказать и президенту, и другим руководителям страны, что России Академия наук нужна. Для него судьба науки неразрывно была связана с судьбой страны, с её будущим, с её возрождением.

Способности сильного аналитика у Примакова просматривались уже в его первых газетных корреспонденциях. Поэтому его путь к научным высотам был прямым и логичным. Умение режиссировать ситуационные анализы, важные для проведения внешней политики страны, проявлялись и в академической сфере, и в Службе внешней разведки, и снова в системе Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН.

Но я намеренно подчёркиваю, что в своих научных изысканиях, в оценках и прогнозах, которые, кстати, выходят далеко за пределы ближневосточного региона, Примаков именно “не забронзовел”. Он был открыт для дискуссии и внимательно и деликатно был готов выслушать другое мнение, даже если оно не совпадало с его собственным. Он был готов поспорить и уточнить свои позиции, если на основе компетентности, фактов и логики кто-либо другой смог отметить те стороны проблемы, которых он не учёл или не знал. Поэтому ему удавалось собирать коллектив профессионалов на всех постах, которые он занимал.

Поражают энтузиазм и преданность делу человека, который с молодой энергией интересовался событиями, в частности, на Ближнем Востоке. Личные впечатления: январь 2011 года; мы находимся в Вашингтоне на встрече с американскими специалистами по региону. Волна революций, которая только что смела тунисского диктатора Бен Али, пришла в Египет и бушует на площади Ат-Тахрир. И вот у Примакова “выиграло ретивое”, и он по-молодому,

оперативно связывается с “Российской газетой” и пишет свой комментарий на эти события, в котором многое предвосхищает. Мало того, он предваритель-но показывает этот комментарий мне и с благодарностью принимает пару мелких замечаний. Калибр человека, учёного, политика, открытого миру, от-крытого дискуссиям, уважающего мнение других, не уменьшается от таких жестов, а растёт.

Преодолевая возраст, болезни, усталость, Евгений Максимович был для нас, востоковедов, играющим тренером. Подольше бы!..

Немного о Примакове как человеке. У него была масса друзей. Обычно он был весёлым и живым, любил кавказские застолья, шутки, розыгрыши, анекдоты. (Некоторые из них я выдаю за свои, и они пользуются неизменным успехом.) Он мог позволить себе немного выпить водки или виски, никогда не увлекаясь спиртным. Как пошутил Сергей Викторович Лавров на одном из обедов в честь иностранных гостей, куда меня пригласили: “Я процитирую Примакова: “Кто не пьёт водки под суп, тот просто глуп”. Примаков был че-ловеком, и ничто человеческое ему не было чуждо. Он был необычайно сер-дечен по отношению к людям, сохраняя связи, сложившиеся ещё в молодос-ти, реально помогая вдовам скончавшихся друзей.

Самой большой болью для него была безвременная кончина сына, а че-рез несколько лет и жены — у обоих болезни сердца. Чтобы чуть-чуть забыть-ся, он загонял себя работой. Через несколько лет он женился снова, что по-могло ему в жизни. Его новая супруга — врач, замечательная женщина — Ирина Борисовна.

Действительно, мой плохой характер, некая закомплексованность не поз-волили мне находиться в ближайшем окружении Примакова и поддерживать контакты со многими выдающимися личностями. Исключение — Александр Сергеевич Дзасохов, практически руководитель Комитета солидарности стран Азии и Африки, затем член Политбюро ЦК КПСС, дипломат — посол в Сирии, президент Северной Осетии, депутат высшей палаты нашего парламента. На-ша близкая дружба с ним началась с момента, когда он предложил мне посе-тить партизанские районы Дофара в Аравии, затем много раз он приглашал меня участвовать во встречах и миссиях Комитета солидарности. Когда после разгона КПСС он ещё сидел в Кремле, покинутый многими, кто просто хотел понять, куда дует ветер и не опасно ли общаться с одним из бывших руково-дителей КПСС, я сделал элементарный дружеский жест — посетил его. Мы долго гуляли по Кремлёвскому саду, обсуждая его планы. Возможно, кое-ка-кие мои соображения позволили ему сделать правильный выбор и остаться на несколько лет на политическом Олимпе. Но дело не в этом. Тёплое отноше-ние к друзьям, такт, чувство совести и чести, не говоря уже о политическом кругозоре, — вот что их объединяло. Все эти достоинства Дзасохова сделали его не просто другом Евгения Максимовича, а как бы членом семьи Примако-ва, который посвятил ему одно из своих стихотворений:

*Пойдём к друзьям на огонёк —
Там рады нам всегда.
Никто не спустит вслед курок,
Согреет тамада.*

*К сердцам протянет лёгкий мост
Из добрых, тёплых слов,
Витиеватый скажет тост
За дружбу и любовь.*

В завершение процитирую самого Дзасохова. Он писал: “Люди говорят — уходит время. Время говорит — уходят люди”. Эта мысль и эти слова принад-лежат Евгению Максимовичу. Время проходит, а мы чувствуем, что наш друг физически не рядом, но вместе с тем всегда с нами, в нашей памяти, в наших воспоминаниях. Перед нами Максимыч в добрых поступках, политических под-двигах, с его остроумием и мудростью, с ликом, радующимся или беспокоя-щим, с его непревзойдённой способностью создавать вокруг себя солидарную атмосферу. Время проходит, а он с нами”.

В день 90-летия Примакова на Смоленской площади недалеко от здания Министерства иностранных дел был открыт ему бронзовый памятник. Ранее

Институт мировой экономики и международных отношений РАН был назван его именем. В океан вышел ледокол “Евгений Примаков”.

Хотел бы на этом закончить свой очерк о Е. М. Примакове. Написано уже много. Я предполагаю, что появится и книга хорошего автора в ЖЗЛ. Но именно для читателей журнала “Наш современник” этот материал может оказаться интересным. Среди тысяч его подписчиков (и ещё большего числа читателей) и среди авторов абсолютное большинство – русские патриоты. Но есть и те, у кого патриотизм, как говорится, “зашкаливает”, принимает крайние формы. Иногда это вредно и для внешней, и для внутренней политики. Я лично отношусь к носителям таких убеждений спокойно. Как говорит китайская пословица, “палку не перегибёшь – палку не выпрямишь”. Один из аргументов сторонников “теории заговора” заключается в том, что будто “мировая закулиса” направляет все действия российских политиков. Нечасто, но в интернете подобные “обвинения” или “намёки”, направленные и в адрес Примакова, можно найти. “Сверхзадача” моего небольшого очерка – развеять туман, который, может быть, окутывает мозги некоторых, и приблизить оценку выдающегося деятеля к реалиям. Для вящей убедительности приведу аргумент, почерпнутый мною из научных штудий: американские политики и политологи всегда с восхищением отзывались и отзываюся о Михаиле Горбачёве. Не надо объяснять, почему. Но всегда или почти всегда они негативно оценивают Примакова. Вот цитата. Ричард Перл, один из идеологов неоконсерватизма, сторонник вторжения в Ирак и русофоб, писал: “Примаков вернул нас ко дням прежнего Громыко. Он является человеком, который до сих пор отвергает тот факт, что Советский Союз проиграл холодную войну. Мы должны дать понять Кремлю, что его назначение министром иностранных дел является шагом назад”. (Хороший комплимент в адрес Евгения Максимовича).

Оценивая политического деятеля масштаба Примакова, лучше основываться на фактах, а не на мифах и домыслах.